

Ф.М. Достоевский: скандал, самоубийство, карнавал

Цаценкина Анастасия Сергеевна

Аспирантка Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова,
Москва, Россия

И. Бродский выделяет «скандализм» в качестве одной из основных особенностей поэтики позднего творчества Ф.М. Достоевского: «Вот Бахтин употребляет термин “карнавализм”. Совершенно неправильный термин, я считаю. Скандализм! Это скандал, а не карнавал! Оно гораздо интереснее» [Волков: 174]. В романах Достоевского, действительно, очень много скандальных сцен, и каждая из них является ключевой. В.В. Дудкин даже определяет скандал как особое «квазижанровое образование» и, в частности, называет «Бесы» романом-скандалом [Дудкин: 57].

Скандал в художественном мире Достоевского можно определить следующим образом: это противоречащий норме поступок, непристойное действие, намеренно совершаемое кем-либо на публике и нарушающее привычный порядок вещей; случай, ссора, часто сопровождаемая столкновением, позорящая его участников и порой получающая широкую огласку. В каждой скандальной ситуации есть такой пиковый момент, после которого происходящее становится уже необратимым, а всеобщее раздражение и напряжение не могут сдерживаться и переходят все пределы. Отсюда – возможность и уместность использования метафор выхода за границы допустимого (переступить черту, дойти до края, перейти через мерку), к которым обращается при создании скандальных сцен Достоевский.

В связи с близостью скандала таким понятиям, как позор, посрамление и осмеяние, представляется возможным провести параллель между скандалом и самоубийством, а точнее – говорить о самоубийстве как содержательно-смысловом компоненте скандала. Это относится к поведению персонажей, которые серьезно воспринимают и переживают происходящее. «Серьезность» в данном случае – симптом тотальной вовлеченности человека в событие и всецелого переживания возникшей проблемы, которое делает любое возможное разрешение ситуации сравнимым с катастрофой. Это относится к поведению таких персонажей, как Катерина Ивановна, Настасья Филипповна, Мышкин, Аглая, Ипполит, Аркадий Долгорукий, Митя Карамазов. Чаще всего отмеченная особенность скандала обуславливается одной из важнейших категорий характерологии Достоевского – мнительностью, то есть болезненным восприятием любого проявления чужого мнения. Отметим, что параллель, проведенная между скандалом и самоубийством, актуальна и для тех случаев, когда ситуация спланирована заранее, намеренно спровоцирована тем или иным героем. Вследствие стихийной сущности скандального действия его «сценарий» никогда не выдерживается в соответствии с намеченным планом.

Идея самоубийства находит отражение и на языковом уровне – в многочисленных случаях так называемых «проговариваний» и «иллокутивных самоубийств» персонажей. Можно привести следующие примеры: истерические выкрики Катерины Ивановны на поминках по Мармеладову, надрывные монологи Настасьи Филипповны во время ее вечера, исступленная речь Ипполита после сцены с компанией Бурдовского, патетические восклицания Лебядкина в гостиной у Варвары Петровны. Наиболее очевидное раскрытие суицидальной метафоры – в случае с бунтом Ипполита и желанием героя зрелищно, у всех на глазах покончить с собой.

Иначе обстоит дело с «несерьезностью» в скандале. В первую очередь следует сказать о героях, которые надевают маски шутов. В данном случае шутовство представляется своеобразным отрицанием отрицания, вторым витком скандальной спирали, если за первый принимать собственно скандальное поведение как отрицание нормы. Шутовство – это «разрешенное» непотребство, «утвержденное» с согласия его участников и наблюдателей.

Развивая тему «скандальных» масок, нельзя не упомянуть героев, чье поведение подчинено желанию управлять другими и сталкивать их между собой. Это персонажи-провокаторы, использующие скандалы как средство достижения своих целей. Их манера поведения сочетает шутовские выверты и рассудочную расчетливость. Таковым является, в частности, Ставрогин с его «гротескно-патологической» триадой дерзостей [Дудкин: 65]. Подобным образом ведут себя Петр Верховенский и Грушенька во время известной сцены с Катериной Ивановной, развернувшейся на глазах у Алеши.

А. Ренанский отмечает, что «русский скандал – есть извращенная форма европейских карнавальных вольностей» [Ренанский: 105], и с этим нельзя не согласиться. Действительно, есть немало схожего во внешних, в большинстве своем актерских и шутовских, проявлениях скандала и карнавала, таких как смех, стихийность, нарушение норм поведения, выворачивание происходящего наизнанку и др. Вместе с тем, каким бы ни был ход карнавала, он все равно не выходит за рамки общепринятого, заранее оговоренного участниками хода событий. Нарушение порядка, происходящее при этом, тем не менее остается нормированным, то есть отсутствие нормы, определенное пределами, неизбежно составляет очередную норму, в том числе и норму для безобразия. С этой точки зрения карнавал скорее близок русским святочным гуляниям с их определенным «сценарием», чем к «русскому скандалу».

Беспорядок скандала иной. Скандалящий человек на глазах у других и против их воли совершает свое собственное, индивидуальное карнавальное действие, непредсказуемое и не подчиняемое никаким правилам. В отличие от карнавала, скандал имеет дело с истинной не-нормой. Если это и карнавал, то повторно перевернутый с ног на голову, сошедший с ума, удививший всех, даже его зачинщиков и провокаторов. Именно в этом смысле можно понимать утверждение И. Бродского о «скандализме» Достоевского в противоположность общепризнанному мнению о «карнавализме» его творчества. Достоевский – «скандальный талант».

Литература

Волков С. Диалоги с Иосифом Бродским. Литературные биографии. М., 2000.

Дудкин В.В. Нечто о скандале у Достоевского (Роман «Бесы») // Достоевский и современность. Великий Новгород, 2003. С. 57–67.

Ренанский А. Скандал как форма психодрамы (к постановке проблемы) // Достоевский и мировая культура. СПб., 1993. Альманах № 1, часть III. С. 92–109.